

На склоне жизни Молотов не раз вспоминал, как жёстко он вёл переговоры с Гитлером в Берлине, по сути дела, срывая выполнение договора, с его же именем вошедшего в историю, так называемого «Пакта Молотова – Риббентропа».

В своей объёмной книге бесед с Молотовым («Полудержавный властелин») Феликс Чуев пишет, как они с Молотовым обсуждали его знаменитую поездку в Берлин в ноябре 1940 года. Молотов охотно рассказывал Чуеву, как немцы пытались его «охмурить», рисуя полуфантастические планы нападения на Британскую империю, но он, дескать, бдительно и даже грубо возвращал их к фактам: а зачем, дескать, наращивается военное присутствие Германии в Финляндии и в Румынии? Разве это не действия, направленные против Советского Союза? По словам Молотова он поднимал этот вопрос перед Гитлером неоднократно. Вот слова Молотова по книге Ф. Чуева:

“А во второй нашей с ним беседе я перешёл к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договорённости, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи»... «Зачем вы их держите?» – «Мелочи». – «Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договорить-

ся действовать согласованно?» Он – своё, я – своё. Начал нервничать. Я – настойчиво, в общем, я его допёк”.

Молотов во время визита привёз Гитлеру личное послание Сталина; сам тот визит сегодня известен и разобран чуть ли не поминутно, а вот переписка Гитлера и Сталина, увы, до сих пор засекречена. Думается, засекречена потому, что в ней оба лидера откровенно выражали своё отношение к евреям и обсуждали планы совместной борьбы против мирового сионизма. Именно это и было основой наметившегося стратегического партнёрства наших двух стран.

Молотов, будучи женат на еврейке, не мог искренне сочувствовать этой борьбе, именно поэтому он, как это ясно видно сегодня, был нацелен на то, чтобы сорвать развитие непростого партнёрства. Впрочем, желающих сравнить Германию и Россию хватало и без Молотова; обе государственные машины были, так сказать, «заточены» друг против друга. Чудом было бы обратное: если бы Сталину и Гитлеру удалось удержать, укрепить эту дружбу.

Сталинский 37-й год был в некоторой степени повторением гитлеровского переворота 1933 года; но Гитлер не поверил в серьёзность сталинской борьбы с евреями; Гитлеру антиеврейские действия Сталина тоже (как и гитлеровские планы – Молотову) казались попыткой «охмурить» его рассказами о каком-то возможном крупном полумифическом партнёрстве, а реальностью для Гитлера была подготовка Советского Союза к войне. Вот эту проблему он и хотел практически ликвидировать, так сказать, «вернув Сталина на землю».

И всё-таки советско-германский пакт имел место, как имела место и переписка Сталина и Гитлера по стратегическим вопросам; это позже, когда война вспыхнула и разгорелась, обеим сторонам стало выгодно скрыть размах своих довоенных контактов. Постепенно побеждала, так сказать, «трактовка Молотова», то есть трактовка пакта как чего-то «не бывшего» или как некоего сугубо тактического приёма, нужного, дескать, чтобы отсрочить войну и получить возможность лучше к ней подготовиться.

Однако вначале, судя по всему, советско-германское сближение воспринималось Сталиным как очень серьёзный процесс, и это подтверждает ещё один свидетель тех лет, Евгения Гинзбург, в своей книге «Крутой маршрут».

Напомним: жена партийного деятеля Аксёнова Гинзбург была арестована ещё до начала конвейерных репрессий 1937 года. Её долго держали в одиночке в центральной России, потом этапировали на Колыму, где она и получила возможность (после перерыва)

читать советские газеты, и вот как она передаёт в книге свои впечатления:

“Это зима тридцать девятого – сорокового. Кто-то из наших раздобыл где-то старый, но не очень номер «Правды». Вечером перед отбоем в бараке сенсация. В «Правде» напечатан полный текст очередной речи Гитлера. И с весьма уважительными комментариями. А на первой полосе фото: приём В.М. Молотовым Иоахима фон Риббентропа”.

Итак, «номер старый, но не очень». Но, если на фото был показан приём Молотовым Риббентропа, то газета, скорее всего, была датирована августом 1939 года, когда в Москве и был подписан пакт. Впрочем, я не буду уличать Е. Гинзбург в фактических ошибках, которые в её книге можно было бы найти. Для данной статьи важнее другое: показать, как она в целом воспринимала ситуацию.

Думается, что происходящее она видела, в целом, верно, хотя оценки давала совершенно не те, которые дал бы событиям, допустим, сам Сталин или любой из его сторонников. Гинзбург называет тех, кто её допрашивал и судил, «переодетыми фашистами» (с.70 по изданию книги 2008 года). Она пишет, что её негативное отношение к Сталину возникло якобы ещё до того, как её арестовали. Например, она видела Сталина, проходя мимо мавзолея на демонстрации. “Я без всякого обожания рассматривала тогда его лицо, поразившее меня своей некрасивостью... Даже больше чем «без обожания». Правильнее будет сказать – с затаённой враждебностью, хотя ещё и неосознанной, слабо мотивированной, инстинктивной”. И далее (тоже впечатления ещё до вынесения ей приговора): «Хоть я и чувствовала смутно, ещё не зная этого точно, что вдохновителем всего происходящего в нашей партии кошмара является именно Сталин, но заявить о несогласии с линией я не могла».

Таково было отношение Гинзбург к Сталину ещё до приговора, а уж что говорить о годах, проведённых ею в ГУЛАГе! Тут уж ей, как говорится, «всё стало окончательно ясно».

В своей книге Е. Гинзбург воздерживается от наукообразия, почти не приводит цитат, исторических фактов, дат. Это книга *впечатлений*, и, как уже было сказано, в целом картину она видит правильно, хотя знаки ставит «обратные». Сталин, действительно, был вдохновителем, но не «происходящего в нашей партии кошмара», а вдохновителем порыва партии и всего советского народа к свободе от троцкистской диктатуры. Сталин, действительно, добивался и сохранения мира с Германией, и постепенного выравнивания политики двух стран. В этом и была цель пакта 1939

года: Германия должна была бы отказаться от эксцессов правого радикализма, а Россия – от эксцессов троцкистской диктатуры. Другое дело, что после 22 июня 1941 года этот проект быстро перешёл в разряд фантастических, и вспоминать о нём стало неудобно.

* * *

Впрочем, покуда Сталин был жив, он не оставлял попыток повернуть советскую политику в антиеврейском направлении. Лучшее тому доказательство – послевоенная кампания по раскрытию псевдонимов и по борьбе с космополитизмом. Ещё одно свидетельство симпатий Сталина и Жданова к немецкому рейху – блестящая судьба в советском прокате немецкого фильма «Девушка моей мечты» с Марикой Рёкк в главной роли.

Напомним: фильм вышел на экраны рейха и всей оккупированной Германией Европы в 1944 году; а вскоре после войны он выходит и в советский прокат. По какому-то недоразумению, главной «кинодивой» Третьего рейха принято считать Марлен Дитрих, но она всю войну провела в Америке, снимаясь в Голливуде. Кстати, и её любовник, писатель-пацифист Эрих Мария Ремарк, также вполне сознательно провёл годы Второй мировой «по ту сторону фронта», хотя вполне мог бы проявить немецкий патриотизм и оказаться запертым в «Крепости Европе».

Допустим, для гитлеровского режима и Ремарк, и Марлен Дитрих оставались своими (Ремарк получал предложение от секретаря Геринга вернуться на родину), а их пребывание «на той стороне» трактовалось, как хитрая политика. И Марлен Дитрих, и Эрих Мария Ремарк были скорее антисемитами, чем юдофилами, что видно по их ныне опубликованной переписке (в том числе, их письма опубликованы и в переводе на русский).

Но вот Марика Рёкк ни в каких таких хитрых оправданиях не нуждалась: она просто жила и работала внутри Третьего рейха, снималась на нацистских киностудиях, гастролировала в городах Европы – слава богу, не в агитбригадах на Восточном фронте. (Впрочем, может быть, и такие факты в её биографии имелись, но они были благоразумно скрыты нашими органами, и даже пущен был противоположный слух: якобы Марика Рёкк была агентом влияния НКВД и этаким «Штирлицем в юбке».)

Действительно, к ней, говорили, прохладно относился Геббельс – возможно, просто в силу её венгерского происхождения, ведь у неё сохранился венгерский акцент до конца жизни. Как бы там ни было, после 1945 года Марика Рёкк остаётся звездой австрийской и венгерской оперетты и любимицей киноманов всех

стран Варшавского договора, начиная с СССР. А фильм «Девушка моей мечты» навсегда вошёл в историю как один из лучших фильмов XX века и как символ глубинного единства русского и немецкого кинематографа.

Увы, этот фильм (как и это кинематографическое сродство) оказался заслонён бесчисленными поделками интернационалистически мыслящих советских «киномастеров» (вроде бездарного Эльдара Рязанова), чьи творения пересматривать отнюдь не хочется, вот только их усердно навязывает наше телевидение.

* * *

Вернёмся от темы кино к политике.

Абсолютно несомненным представляется то, что *у русского и у всего советского народа в середине XX века было два одинаково заклятых и жестоких врага: немецкий фашизм и еврейский сионизм*. С немцами воевали на фронтах внешних, с евреями – на фронте внутреннем, стараясь как можно большее их количество отправить в ГУЛАГ.

Олицетворением этой борьбы на два фронта был Сталин. Да, он вынужден был терпеть рядом с собой Кагановича, Мехлиса и им подобных, хотя количество их в своём непосредственном окружении Сталин уменьшил до крайнего возможного предела. Но совсем ликвидировать их Сталин не мог, ибо евреи нужны ему были для упрочения сотрудничества с иудеизированными правящими кругами Англии и Америки.

Могут спросить: почему же с советским-то проектом столь резко расходились иудеи? Ясны причины нелюбви их к русской великодержавной, так называемой «имперской» традиции, но Советский-то Союз был создан отчасти по их собственным лекалам! Тем не менее, явную ненависть к советскому строю они демонстрировали всякий раз, как в стране возникала «гласность»: при Хрущёве, при Горбачёве...

Думается, что на этот вопрос можно ответить так: кризис еврейского этноса. На определённых этапах своего развития этносы (как и люди) могут становиться неуправляемыми, а поведение их характеризоваться смесью мании величия и тяги к саморазрушению и самоубийству. Именно это, думается, и происходило с советскими евреями.

Хорошо чувствовалась та ненависть ко всему русскому и советскому, которую многие из них вкладывали в свои слова и действия. Когда еврей-диктор Левитан произносил «от Советского Информбюро», все, кому слон не наступил на ухо, прекрасно по-

нимали, о чём именно он вещает. «Говорит Израиль!¹ – вот что провозглашал Левитан. – Я вынужден вещать от имени Совинформбюро, – (как бы продолжал внушать Левитан своей интонацией), – но на самом деле я говорю с вами от имени всего еврейского народа!». Вот что мы слышим в голосе Левитана.

Кстати, и Левитан в определённой степени смирял себя, этим же характеризовалось и поведение большинства советских евреев примерно с сорок второго, а, может быть, уже и с конца сорок первого года. Изучение материалов времён войны показывает, что евреи как-то слегка стушевались, сознательно отступили на второй план, дав русским сыграть первую скрипку. Нет, они не ушли в отставку – этого не сделал ни Каганович, ни уже упомянутый диктор Левитан, ни писатель Эренбург, ни идеолог Мехлис. Возможно даже, процент того времени, которое евреи занимали своими выступлениями на разных совещаниях, остался прежним, – но *тон их изменился*. Они уже не заявляли безапелляционно, что знают всё лучше всех, – они позволили русским военачальникам, например, единолично принимать решения. Так продолжалось до мая сорок пятого, но потом постепенно евреи опять стали забирать в свои руки если не бразды, то тон правления.

Наверное, все мы встречались с этими их, мягко говоря, преувеличениями: якобы именно евреи непримиримее всех воевали с Гитлером, якобы именно они задавали тон в Сопротивлении; якобы именно их человек – Штирлиц-Исаев – делал, что хотел, в немецком высшем руководстве. Тот невероятный накал хамства, который евреи позволяют себе в отношении фашистской Германии, поистине, изумляет. «Нелюди, звери, недочеловеки, фашистское отребье», – любое самое грубое слово допустимо в отношении Рейха, хотя сионистское государство Израиль ведёт себя ничем не лучше Рейха, а иногда даже и «покруче» Гитлера.

* * *

Очистив Западную и Центральную Европу от евреев, Гитлер практически разрешил тот теоретический спор, который долго вели до него экономисты. Чьё творение капитализм – завозное еврейское или продукт собственного исторического развития Европы?

Вторую точку зрения, как известно, отстаивал Макс Вебер, автор капитального труда «Протестантская этика и дух капитализма». Капитализм, дескать, вырос из лютеранской Реформации,

¹ Автор допускает неточность: государство Израиль образовано 14 мая 1948 года. *Прим. ред.*

явившей миру некоего «нового человека»: фанатично преданного любому собственному проекту, трудолюбивого и бережливого. Вряд ли этот тип уникален для протестантов: новгородские, да и киевские купцы времён ещё Владимира Крестителя представляли собой похожий типаж. Торговля и предпринимательство – это вообще то, что стихийно вырастает из христианской культуры любой европейской страны, в том числе, конечно, и Германии.

Другую теорию отстаивал Вернер Зомбарт (сегодняшний его последователь в России – В. Катасонов). По мнению В. Зомбарта, европейский капитализм возник не изнутри европейской культуры, а из деятельности средневековых еврейских ростовщиков, вроде Ротшильдов. Что ж, еврейское ростовщичество в Европе имело место, и теоретически опровергнуть представителей школы Зомбарта было бы невозможно, но вот практически у немцев это получилось. *1945 год увидел Европу тотально очищенной от евреев, но кто бы стал отрицать, что строй, существующий в ней, именовался рыночным капитализмом?*

Да, выполняя «План Маршалла», американцы попытались повторно иудеизировать Европу, но удалось ли им это? Евреи были вычищены Гитлером из числа акционеров, биржевиков, членов советов директоров и управляющих крупными и мелкими компаниями Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Польши... Перечислить следовало бы все страны Европы, захваченные немцами во время Второй мировой. Деньги в рамках «Плана Маршалла» вчерашние гитлеровские капитаны промышленности готовы были принять, но потесниться в советах директоров – отнюдь нет. *Структура без евреев уже существовала, а работающая структура, как известно, лишние звенья отторгает.* О том отказе от денацификации, который практически осуществили западные немцы вместе с оккупационной американско-британской администрацией, есть очень важная книга: Юрий Корольков, «В Германии после войны» (М., 1951).

Да, Западная Европа от евреев освободилась, но Советский Союз – отнюдь нет. Свою большую чистку страны от евреев, началом которой должно было послужить «Дело врачей», Сталин так и не успел провести; да и неизвестно, насколько серьёзно он её планировал. Правда, иудеи сами «голосовали ногами» против СССР, уезжая в Америку и Израиль, но их своеобразная миссионерская машина до сих пор продолжает работать в нашей стране, так что не видно, чтобы число их уменьшалось. *Структурно* они в России весь XX век играли важную роль и до сих пор являются одной из опор в любом серьёзном проекте.

Вместе с тем, нельзя и преувеличивать их влияние, и нельзя согласиться с теми, кто говорит, что «звезда России», так сказать, «закатилась навсегда». Цель реформ Горбачёва и Ельцина как раз и заключалась в том, чтобы любой ценой освободиться от идеологической марксистской удавки, которая и была своеобразной гарантией постоянного воспроизводства еврейского фактора в управлении страной. Пока Маркс оставался светочем мысли, а интернационализм – основой государства, страна продолжала убивать сама себя. Лишь неимоверными усилиями Горбачёва (чей психологический типаж, немного огрубляя, можно определить фразой «муж антисемитки») и Ельцина, чей типаж определить сложнее, страна смогла вырваться из смертельного марксистского омута. Правда, в процессе перехода к рынку еврейский фактор в жизни нашего общества вновь усилился, но поворот всё-таки осуществился. Рыбы-прилипалы не отстанут от акулы, куда бы она ни свернула, и всё-таки направление движения выбирают не они.

Не будем, впрочем, уходить и от характеристики Ельцина: этого человека можно сравнить со святыми равноапостольными Константином Великим и Владимиром Крестителем. Ельцин сделал для Христианской Церкви не менее, чем они, и, конечно же, Церковь со временем признает это. Восстановление Храма Христа Спасителя в Москве было не архитектурным деянием, но глобально-историческим символом, знаменующим возвращение России, а, может быть, и всего мира на путь христианизации человечества. Возможно, Церковь в будущем поставит и формально вопрос о канонизации Б. Ельцина, хотя об этом рано говорить. Будем пока считать, что сравнение Б. Ельцина с равноапостольными святыми из ранней церковной истории – это лишь художественное преувеличение автора статьи.

Тем не менее, эпохальность поворота 1991 года, кажется, никем не отрицается. Страна, как уже сказано, сумела освободиться от идеологии марксизма, которая толкала Россию в пропасть. И после 1991 года страна постепенно, шагком за шагом, начала отходить от этой бездны.

Сумеет ли мы продолжить этот тяжёлый путь к спасению? Не вернёмся ли вновь к какому-то подобию марксистского тоталитарного режима? Этот вопрос к нашему и следующему поколению своевременно поставить именно в этом году, году юбилея «Пакта Молотова – Риббентропа», а точнее – стратегического «протокола о намерениях» Сталина и Гитлера.

Санкт-Петербург, февраль-май 2019 г.

От редакции

Публикуя принципиально полемическую и во многом спорную статью А. Андриюшкина «Обречённая попытка партнёрства», редакция журнала считает необходимым дать к ней некоторые комментарии, особенно в связи с тем, что 80-летие начала Второй мировой войны в 2019 году ознаменовалось интересным фактом: польские власти, отмечая этот юбилей, решили не приглашать президента России В.В. Путина, хотя президенты других стран антигитлеровской коалиции были приглашены.

Всё это делает особенно интересными события, предшествующие сентябрю 1939 года. А. Андриюшкин обращает пристальное внимание не только на переговоры Молотова-Риббентропа, но и на визит В.М. Молотова в декабре 1939 года и его переговоры с Гитлером. Он отмечает интересный факт о переписке Сталина с Гитлером, которая не рассекречена до сих пор, и полагает, что она касалась еврейского вопроса. Дальше автор высказывает очень спорные суждения, будто бы Молотов, женатый на еврейке, не мог поддержать якобы принятую Сталиным линию борьбы с сионизмом и нарочно вредил этому курсу во время переговоров с Гитлером.

В определённых кругах у нас принято считать, что Сталин, по крайней мере в последние годы жизни, был антисемитом. Так, видимо, думает и автор статьи. Но обратим внимание на то, что жёны всех видных деятелей сталинского режима – Ворошилова, Будённого, Бухарина, того же Молотова, Ежова – по национальности были еврейками. А как относиться к фигурам Л. Кагановича, Мехлеса, Р. Землячки (урождённой Залкинд), нашедшей упокоение у кремлёвской стены? Или это тоже проявление антисемитизма? Автор ссылается на небезызвестное дело врачей, но при этом упускает из вида «ленинградское дело» (конец 1940-х – начало 1950-х гг.), при котором репрессиям подверглись только русские. Об этом деле у нас не любят вспоминать до настоящего времени.

Настоящий марксист-интернационалист, каковым считал себя и был Сталин, едва ли мог быть антисемитом. Одно только создание государства Израиль, возникшее с его прямого благословения, непосредственно свидетельствует об этом. Предлагаем читателям самостоятельно разобраться в этом вопросе. Ждём возможных, пусть даже полемических откликов.